

Когда обед почти подошел к концу, Ю Гуйчжи пнула Лю Шаня под столом и подала ему знак глазами.

Лю Шань сначала не понял, к чему Ю Гуйчжи так ему мигает. Тогда она протянула руку и показала пальцами. Лю Шань вдруг сообразил и положил Лю Иманю большую порцию овощей.

- Имянь, дома нечем тебя угостить, ты уж ешь как есть. Когда у нас дела наладятся, в следующий раз куплю тебе мяса.

Лю Шань говорил без конца и при этом смотрел на выражение Лю Иманя.

Увидев, что тот слегка растерялся, он продолжил:

- Раньше дома еще можно было время от времени поесть мяса. После рождения Сюэр расходов стало намного больше. Теперь, бывает, за месяц ни разу мяса не увидим.

Ю Гуйчжи смотрела, как Лю Шань все никак не переходит к сути, и резко на него взглянула, беззвучно велев заткнуться.

- Ты же знаешь, отец любит вино. Раз в несколько дней ему нужно выйти выпить, а иногда еще закуски заказать. Каждый раз уходит по несколько десятков вэней. Теперь в семье еще один человек, трудностей много...

Лю Шань и правда любил вино, и Лю Имянь знал это еще с тех времен, когда жил дома. У отца была сильная тяга к спиртному. Рад он или сердит, все равно выпьет кувшин. Иногда, напившись, возвращался и искал, на ком сорвать злость.

У Ю Гуйчжи был вспыльчивый нрав, но даже она боялась, когда он напивался и начинал буяннить.

Лю Чэнъинь сидел в комнате за книгами и редко выходил.

Поэтому чаще всего под руку Лю Шаню попадались Лю Имянь и Лю Пяосюй. Конечно, больше всех доставалось Лю Иманю. Лю Пяосюй была еще маленькой девочкой и, почуяв беду, боялась и пряталась.

Если слушать только первую половину слов Ю Гуйчжи, Лю Имянь еще мог бы растрогаться.

Но, услышав вторую половину, он почувствовал лишь глухую тоску.

Семье было трудно, и потому она придумала способ - продать его, «убыточного» гээра, торговцу людьми.

В семье появилась Сюэр, и его четырнадцатилетнюю младшую сестру отдали в дом Тяньюаньвая наложницей.

Так ведь людей в семье стало меньше, значит, жить должно было стать легче.

Стоило этой мысли возникнуть, как обида в сердце Лю Иманя снова забурлила.

Когда мать была жива, в доме было спокойно и мирно, ссоры случались редко. Но после того как Ю Гуйчжи стала его второй матерью, старший брат Лю Чэнъинь постепенно отдалился от Лю Иманя. А если что-то случалось, Лю Шань всегда вставал на сторону Ю Гуйчжи.

Со временем Лю Имянь все сильнее обижался на Ю Гуйчжи.

- А где Пяосуй? Разве ее уже не выдали? Почему дома все еще так трудно?

Слова Ю Гуйчжи застряли у нее в горле. Она не знала, как объяснить, и посмотрела то на Лю Шаня, то на Лю Чэнъяня.

- Это все твой отец виноват, этот мертвец! Если бы он целыми днями не пил, не шатался где попало и не разбил в чужой лавке кувшины с вином, разве жизнь семьи стала бы такой? Откуда нам взять деньги, чтобы возместить долг...

- И что?

- А?

Ю Гуйчжи, которая вытирала ненужные слезы, вдруг осеклась и глупо переспросила:

- Что - «и что»?

- Разве, когда вы тогда продали меня, вы не получили два ляна серебра? - Лю Имянь слегка нахмурился. - Почему вторая матушка не достала эти деньги и не возместила долг отца?

- Твоему старшему брату нужно было срочно ехать на экзамен, дорога туда и обратно заняла полмесяца, вот и дали ему часть денег.

- А выкуп за Пяосуй...

- Дома случилось несчастье, больше половины уже истратили.

Голос Лю Имяня был тихим. На лице у него не было выражения, и понять, поверил он или нет, было невозможно.

Ю Гуйчжи неловко рассмеялась. Ей явно было не по себе.

После того как они продали Лю Имяня, половину денег отдали Лю Чэнъяню на осенний экзамен. Тот уехал на полмесяца, экзамен не сдал, и серебро пропало зря.

Сюэр день ото дня росла, а деньги требовались на все: и на еду, и на питье.

Детей того же возраста в доме уже не было, поэтому многое приходилось покупать или переделывать заново.

С учетом повседневных расходов оставшиеся сбережения вскоре были растрачены.

Позже Лю Шань пошел выпивать с людьми и услышал, что Тянь-юаньвай хочет взять седьмую наложницу, причем выбирает только юных девушек с нежными лицами. Тогда он дал денег свахе и попросил ее устроить это дело.

Лю Пяосуй была красивой, лицо у нее было нежное, а голос мягкий. Она сразу приглянулась Тянь-юаньваю.

Вскоре тот прислал шелка, атлас, немного украшений и пять лянов серебра, а Лю Пяосуй увезли в маленьком свадебном паланкине.

Ю Гуйчжи и Лю Шань никогда не видели таких денег. Они сразу широко размахнулись: сегодня шли в трактир, завтра покупали одежду, еще часть ушла Лю Чэнъюню. Не прошло и двух месяцев, как от серебра почти ничего не осталось.

А несколько дней назад случилось еще и то, что Лю Шань напился и разбил в винной лавке кувшины. Все остатки сбережений ушли туда, но все равно не хватало еще семи-восьми цзяней.

Когда деньги внезапно закончились, они подумали о Лю Пяосюй. Жаль только, что ходили к ней дважды, а им оба раза сказали, что это неудобно, и увидеть ее так и не дали.

Лю Шань от нетерпения не знал, куда деваться. И как раз в этот момент Лю Имянь будто сам свалился с неба. Разве это не воля небес?

- Имянь, отец растил тебя столько лет. Можешь одолжить отцу немного денег? Я вижу, ты живешь неплохо, в доме у вас, наверное, есть лишние деньги? - Лю Шань втайне обрадовался и протянул руку, чтобы схватить Лю Имяня за запястье.

Но в тот миг, когда он почти коснулся его, Лю Имянь убрал руку и положил ее на колени.

Лю Шань схватил пустоту, усмехнулся и отвел руку, не приняв это близко к сердцу.

- Отец, у меня нет денег, - после короткого молчания сказал Лю Имянь.

- Как это нет денег? Лицо у тебя румяное, видно, что ешь и пьешь досыта. Одежда на тебе совсем новая, значит, только недавно сшили! - Лю Шань потерял терпение, схватился за ткань его рукава и начал спорить.

- Но, отец, ее купил мне братец Цзи.

- Разве этот Цзи не твой мужчина? Деньги твоего мужчины - это и твои деньги. Глупый ребенок, почему ты никак не сообразишь!

Лю Шань говорил раздраженно.

- Отец, тогда вы продали меня торговцу людьми. Купчая до сих пор в руках братца Цзи. Вы родили и вырастили меня, и я все еще называю вас отцом, но я уже не человек семьи Лю.

- Ты!

Лю Имянь горько улыбнулся, встал и указал на одежду на себе.

- Я сам принадлежу братцу Цзи, и одежда тоже его. У меня нет денег.

- Отец, у меня ничего не осталось.

- Неблагодарный сын! Ты просто ищешь отговорок!

Лю Шань решил, что Лю Имянь не хочет давать деньги. Он в ярости хлопнул по столу, ткнул пальцем Лю Имяню в нос и закричал:

- Ах ты белоглазый волк! Я родил тебя и растил столько лет, а теперь всего-то прошу у тебя немного денег, и ты даже благодарности не знаешь! Собака и та умеет вилять передо мной хвостом, а ты? Ты даже собаки не стоишь!

Лю Иманя и так уже довели до горя, но последние слова Лю Шаня стали для него тяжелым ударом. Он отступил на несколько шагов и едва не потерял равновесие.

- Отец...

С разбитым сердцем он дрожащим голосом позвал Лю Шаня, но в ответ услышал только громовой рев.

- Вон! Убирайся отсюда! Нет у меня такого негодяя!

После ночной попойки у Лю Шаня раскалывалась голова. Сейчас гнев вновь ударил ему в голову, и от боли казалось, будто виски колют иглами. Он застонал, оперся о стол, лицо его исказилось.

Ю Гуйчжи поддержала Лю Шаня и встревоженно спросила:

- С тобой все в порядке? Может, я сварю отвар от похмелья? Я же говорила тебе пить меньше, почему ты не слушаешь!

- Что ты шумишь! Посплю - и пройдет. Кто знал, что этот негодяй вернется! Так разозлил меня, что голова заболела. Пойду в комнату полежу. Ты выгони его, я больше не хочу его видеть.

Лю Шань злобно договорил, потер голову и, постанывая, вернулся в комнату.

Лю Имянь все еще стоял на месте. Он не мог прийти в себя и смотрел, как спина Лю Шаня постепенно удаляется. Лицо его было бледным до прозрачности.

Ю Гуйчжи сразу сменила прежнее радужное выражение. Она плюнула в сторону Лю Иманя и с отвращением сказала:

- Гээр и есть гэр, на людях показаться не может. С мужчиной тебя не сравнить, да тебе даже до младшей сестры далеко! Ты что, не слышал слов этого мертвеца? Катись отсюда, не пачкай мой дом!

Ю Гуйчжи сбросила маску и больше не собиралась притворяться. Видя, что Лю Имянь не двигается, она схватила из угла метлу и ударила его.

Метла была связана из бамбуковых веток. Тонкие и гибкие прутья хлестнули по телу, и на коже быстро проступили красные следы.

Лю Имянь от боли отдернул руки и отступил на несколько шагов, но споткнулся о порог и упал. Глаза у него наполнились слезами.

Но он стиснул зубы и терпел, не желая плакать перед Ю Гуйчжи.

Из-за этой сцены Лю Чэнъинь окончательно потерял аппетит. Он поставил миску, отодвинул табурет и поднялся, собираясь уйти. Но, почувствовав взгляд за спиной, обернулся и посмотрел на Лю Иманя, который сидел на земле у двери.

Взгляды братьев встретились в воздухе. Сердце Лю Иманя дрогнуло. Он подумал, что Лю Чэнъинь подойдет и вступится за него. Но стоило ему открыть рот и позвать «старший брат», как Лю Чэнъинь с явным раздражением отвернулся и ушел.

- Брат...?

Сердце Лю Иманя резко заболело. Он крепко схватился за одежду на груди и больше не мог сдерживать слезы. Крупные капли падали ему на руки.

- О, так ты плачешь, потому что Чэнъинь за тебя не вступился? Еще и лицо есть плакать? Кто только что сказал, что он не из семьи Лю?

Ю Гуйчжи взмахнула метлой, и концы веток задела руку Лю Иманя. Кожа тут же покраснела.

- Раз ты больше не из семьи Лю, почему Чэнъинь должен за тебя говорить? Если не уйдешь, я больше церемониться не буду!

Лю Имянь резко вытер слезы и поднялся с земли.

Он не ушел сразу, а глубоко посмотрел на Ю Гуйчжи. Эти глаза были большими и круглыми, должны были быть красивыми.

Но сейчас в этих красивых глазах стояла ненависть.

Ю Гуйчжи впервые увидела такого Лю Иманя, который прежде был мягким, как тесто. От его взгляда она невольно вздрогнула.

- Что уставился! Проваливай!

Ю Гуйчжи снова подняла метлу, но на этот раз Лю Имянь не позволил ей ударить. В тот миг, когда метла опустилась, он быстро схватил Ю Гуйчжи за запястье и отбросил ее руку в сторону.

Гээр все-таки не женщина. Ю Гуйчжи не ожидала отпора, и сила Лю Иманя потянула ее за собой. Она повалилась вбок, плечом ударилась о дверной косяк и от боли зашипела сквозь зубы.

Метла упала на землю.

- Как ты смеешь! - закричала Ю Гуйчжи, держась за плечо.

- А почему я не смею? - Лю Имянь выпрямил спину, его красивое лицо было бесстрастным. - Кто ты мне? Почему ты бьешь меня?

Лю Имянь даже не посмотрел на Ю Гуйчжи. Он вошел в комнату, забрал со стола лунные пряники, не обращая внимания на ее крики, и ушел, не обернувшись.

Лю Имянь добрался домой уже в час шэнь.

Даже после того как он вытер слезы, глаза у него все еще были красными.

- Что случилось? Кто тебя обидел? - Цзи Вэй, увидев его, сразу испугался.

Вскоре он заметил коробки с лунными пряниками в руках Лю Иманя.

Одна коробка была открыта, другая осталась целой. Глядя на печальный вид Лю Иманя, Цзи Вэй как мог не догадаться, что произошло.

Он с досадой хлопнул себя по лбу.

- Это я плохо подумал и отпустил тебя домой одного.

Лю Имянь молчал и вслед за Цзи Вэем вошел в дом.

Цзи Вэй усадил его на табурет.

- Расскажи, что там было.

- Все в порядке, братец Цзи, ничего серьезного.

Лю Имянь не хотел, чтобы Цзи Вэй волновался, и потому не собирался говорить об этом. Но Цзи Вэй не хотел отпускать дело и настоял, чтобы тот рассказал все от начала до конца. Лю Имянь не смог ему отказать. К тому же на душе было тяжело, и он в итоге выложил все.

- Неразумно! - Цзи Вэй сердито хлопнул по столу и поднялся.

Изначально он думал, что та семья все же оставила в сердце Лю Имяня какие-то чувства. Даже если они продали его торговцу людьми, может, тогда у них не было другого выхода, а значит, в них еще должно было остаться что-то хорошее.

Теперь стало ясно: он ошибался.

Не было в них ничего хорошего. Одни корыстолюбие и слепая жадность!

С такими отцом и братом лучше порвать.

- Братец Цзи, я ведь совсем бесполезный? - Лю Имянь вытирал слезы, которые все не переставали падать, и от этого уголки глаз у него покраснели.

- Нет. Ты еще молод и мало с чем сталкивался. Станешь старше, увидишь больше людей и дел, и тогда будешь намного лучше понимать, как поступать.

Цзи Вэй успокаивающе похлопал Лю Имяня по спине и подбодрил:

- На самом деле ты уже хорошо справился: забрал лунные пряники обратно. Ты ведь знаешь, эти две коробки стоят целый лян серебра!

- Целый лян! - Лю Имянь удивленно воскликнул.

- Да, целый лян серебра. Они не достойны брать такую дорогую вещь. Ты все сделал правильно!

Цзи Вэй нарочно сказал это преувеличенно, чтобы рассмешить Лю Имяня, и еще немного его утешал. Только тогда увидел, как тот наконец немного расслабился.

- Мянмянь, братец Цзи скажет тебе одну истину.

- Угу?

- Человеку, пока он жив, всегда нужно думать и о себе. В иероглифе «терпение» сверху стоит нож. Терпеть можно, но если слепо терпеть все подряд, ранишь самого себя.

Цзи Вэй погладил его по голове и мягко посмотрел на Лю Имяня.

- Запомни это.

Лю Имянь послушно кивнул.

- Хорошо.

- А если в следующий раз случится что-то подобное?

Лю Имянь подумал немного и нерешительно сказал:

- Развернуться и уйти?

Цзи Вэй улыбнулся и покачал головой.

- Дать сдачи?

- Тоже нет.

Цзи Вэй тихо вздохнул.

- Тебе нужно попробовать понять, почему Ю Гуйчжи выгнала тебя. Если разберешься, сможешь из пассивного положения перейти в активное и поймешь, как с ними справляться.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17814/1744725>